

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИК
ЕВГЕНИЙ ВИКТОРОВИЧ
ТАРЛЕ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ
X

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**А. С. Ерусалимский (главный редактор),
Н. М. Дружинин, А. Э. Манфред, М. И. Михайлов,
М. В. Нечкина, Б. Ф. Поршнев, Ф. В. Потемкин,
В. М. Хвостов, О. Д. Форш**

РЕДАКТОРЫ ТОМА:

Б. Б. Кафенгауз, М. И. Михайлов, Н. И. Павленко

ОТ РЕДАКТОРОВ

В настоящий том Сочинений Е. В. Тарле входят его труды, посвященные героическому прошлому русского военно-морского флота конца XVIII и начала XIX в.: «Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769—1774)»¹; «Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798—1800)»²; «Экспедиция адмирала Сенявина в Средиземное море (1805—1807)»³. В том включено также последнее крупное исследование Е. В. Тарле — «Северная война и шведское нашествие на Россию»⁴.

* * *

Труды Е. В. Тарле по истории русского военно-морского флота написаны на основе тщательного изучения большого количества источников, в том числе неизданных документов Центрального государственного архива Военно-Морского флота, Архива внешней политики России, Центрального государственного исторического архива в Ленинграде, Центрального государственного архива древних актов. Автор изучил также шканечные журналы, фонд адмирала Спиридова, документы канцелярии адмирала Ф. Ф. Ушакова по командованию эскадрой на Средиземном море и многие другие архивные материалы. Он широко, и притом критически, использовал как мемуары участников событий, так и последующую историографию вопроса. В частности, Е. В. Тарле показал, что русская дореволюционная дворянская и буржуазная историография, без всякой критики воспроизводя свидетельства русских и иностранных аристократов и сановных карьеристов при царском дворе,

¹ Впервые опубликовано в 1945 г.

² Впервые опубликовано в 1945—1946 гг.

³ Впервые опубликовано в 1948 г.

⁴ Впервые опубликовано в 1958 г.

претендовавших на роль сподвижников выдающихся русских флотоводцев, во многих случаях искажала историческую правду. Так, Е. В. Тарле подверг убедительной критике «Записки» князя Ю. В. Долгорукова, пытавшегося присвоить себе заслуги боевых офицеров флота. Автор показал, что истинными творцами выдающихся побед военно-морского флота России были простые люди — матросы и офицеры, — отличавшиеся мужеством в бою и скромностью в описании своих подвигов. Он показал, что западноевропейская реакционная историография, следуя за Тьером, нарочито умаляет выдающуюся роль, которую сыграл русский флот в борьбе против вооруженных сил наполеоновской Франции на Средиземном море.

Нельзя, однако, не отметить, что отдельные положения этих работ Е. В. Тарле вызывают справедливые упреки со стороны советских историков. В частности, Е. В. Тарле недостаточно четко осветил вопрос об агрессивной сущности внешней политики и дипломатии царского самодержавия. Нельзя также признать правильным стремление автора доказать, что Ушаков превосходил Нельсона как флотоводец: оба они были выдающимися стратегами, но каждый из них был представителем своей школы, своего направления. Не всегда прав Е. В. Тарле и в оценке деятельности императрицы Екатерины II; в некоторых случаях он не доводит до конца анализ классовой сущности ее внешней политики и дипломатии.

В целом труды Е. В. Тарле — большой вклад в изучение военно-морского прошлого России.

М. И. Михайлов

* * *

«Северная война и шведское нашествие на Россию» является последним крупным исследованием Е. В. Тарле.

Вскоре же после Великой Отечественной войны Евгений Викторович задумал написать трилогию, посвященную истории борьбы русского народа против трех наиболее крупных агрессий, которым подвергалась наша Родина в XVIII—XX вв.: шведского вторжения в годы Северной войны, нашествия Наполеона во время Отечественной войны 1812 г. и немецко-фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Эту трилогию должна была объединять общая идея — показать героические усилия народных масс в борьбе за свою национальную независимость и крах попыток агрессоров поработить народы нашей страны.

Публикуемая монография — первая часть трилогии — была написана Е. В. Тарле еще в 1949 г. Однако Евгений Викторович не считал работу законченной и в течение ряда последую-

щих лет, несмотря на частое недомогание, продолжал работать над рукописью. В частности, автор имел в виду более подробно осветить вопрос о развитии промышленности, создавшей материальные предпосылки Полтавской победы, и углубить анализ положения народных масс и крупнейших антифеодальных выступлений в России, происходивших накануне Полтавской битвы, — восстаний в Астрахани и на Дону.

Смерть Е. В. Тарле прервала работу над монографией, и план создания трилогии остался неосуществленным.

Монография Е. В. Тарле «Северная война и шведское нашествие на Россию», опубликованная посмертно, является обобщающим трудом. В ней освещены действия русских войск в первый период Северной войны, а также деятельность русской дипломатии. Много места в монографии отведено освещению участия народных масс в борьбе со шведским вторжением. В центре исследования Е. В. Тарле находится наиболее важный период Северной войны — вторжение шведов в пределы России в 1708 г. и гибель шведской армии летом 1709 г. в результате разгрома ее под Полтавой. Все, что выходит за хронологические рамки этих событий, освещено менее подробно и выполняет вспомогательную роль. Это относится, например, к первой главе, излагающей события до начала вторжения, и к последней, заключительной главе, рассказывающей о последних этапах войны вплоть до Ништадтского мира.

Предшествующая историческая литература не знала исследований, в которых все три стороны войны — ход военных действий, дипломатия, участие народных масс — нашли бы достаточно полное освещение. Автор не ограничил свою задачу изложением уже известных событий и пересказом фактов, освещенных предшественниками, а предпринял упорные поиски новых документов. Среди обследованных им архивных фондов первостепенное значение имеют фонды Кабинета Петра I, Малороссийские дела, Шведские дела, Письма разных лиц на русском языке, хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов, фонд Походной канцелярии А. Д. Меншикова — в архиве Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР. Привлечение новых источников позволило Е. В. Тарле осветить ряд событий с большей точностью и подробностью, чем это удавалось его предшественникам.

Несомненным достоинством монографии Е. В. Тарле является широкое использование также западноевропейских источников и литературы, в том числе источников и литературы на шведском языке. Е. В. Тарле произвел тщательную проверку фактов, сообщаемых восторженными поклонниками шведского короля, и отметил многочисленные извращения, что придало

исследованию свежесть и острую полемическую направленность.

Полтавская победа до последнего времени наиболее полно изучалась специалистами по военной истории. В настоящей работе к ее освещению приступил ученый исключительной эрудиции в различных отраслях как истории Западной Европы, так и истории России. Великие события в России излагаются Е. В. Тарле в тесной связи с тем, что происходило в Швеции, Польше и других странах. Автор нарисовал картину внутреннего положения Швеции, разорявшейся непрерывными поборами и наборами, показал состояние ее военных сил, дал яркую характеристику Карла XII как полководца и государственного деятеля. Е. В. Тарле показал также, каково было отношение к России во время похода Карла со стороны правительств других стран, особенно Англии. На этом фоне автор рисует упорную, настойчивую и осторожную политику русского правительства, создавшего новую армию и флот и постепенно переходившего от одного успеха к другому. Е. В. Тарле ярко показал также деятельность Петра, возглавлявшего эту борьбу.

В целом Е. В. Тарле удалось создать ценную работу по истории Северной войны и показать извращения и ошибочные исторические, враждебно относившиеся к русским победам, но подчас и такие крупные буржуазные русские историки, как В. О. Ключевский, считавший, будто Полтава явилась результатом не столько героизма русской армии, сколько ошибок Карла XII.

Агрессорам, нападавшим на Россию, казалось, что их предшественник погиб только вследствие некоторых своих досадных ошибок и неблагоприятных случайностей. Так говорил Наполеон о Карле XII, так писали о Наполеоне немецко-фашистские публицисты, так в настоящее время отзываются о «роковых ошибках» Гитлера идеологи третьей мировой войны. Е. В. Тарле показал, что бесславный конец шведской агрессии, как и других вторжений, есть прежде всего результат героизма русского народа, отстоявшего свою независимость.

При подготовке настоящего издания текст монографии вновь сверен — при участии А. В. Паевской — по рукописям автора и источникам.

*Б. Б. Кафенгауз
Н. И. Павленко*

ЧЕСМЕНСКИЙ БОЙ
И ПЕРВАЯ
РУССКАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ
В АРХИПЕЛАГ
(1769-1774)

Прежде всего следует заметить, что к 1769 г. международная обстановка для России сложилась благоприятно, и Екатерина сумела извлечь из этой дипломатической обстановки максимальную выгоду.

Некоторые современники говорили о русской императрице, что секрет ее вечных успехов — умение «разыгрывать» одну державу против другой. В данном случае ей удалось «разыграть» и выиграть свою сложную игру на вражде между Англией и Францией.

Угрожающим врагом была Франция, и именно поэтому главную роль в защите русского флота на его опасном пути взяла на себя Англия.

Французское правительство, руководимое Шуазелем, носилось в 1769 и 1770 гг. с мыслью выслать большой флот в восточную часть Средиземного моря и потопить эскадру Алексея Орлова. Испания согласна была в этом предприятии всецело помогать своей союзнице Франции.

Но Англия решительно этому воспротивилась. Из двух зол британский кабинет предпочел меньшее. Франция с ее реваншистскими намерениями относительно отвоевания Канады, с ее тенденциями воскресить в Индии агрессивную антибританскую политику Дюплэ казалась англичанам в этот момент опаснее, чем Россия. Да и левантийская торговля была гораздо больше в руках французов, чем в руках англичан. При этом русские вовсе не были торговыми конкурентами Англии ни в Турции, ни в Европе, и нигде вообще, а, напротив, очень выгодными для англичан поставщиками превосходного корабельного леса, пеньки, льняной пряжи, смолы и других видов сырья. Французы же, в частности марсельцы, сбывали в Турцию и во все подвластные ей страны при помощи своего громадного торгового флота многие из тех именно товаров, которые хотела бы туда сбывать Англия. Здесь совершенно необходимо

напомнить, что Екатерина уже задолго до экспедиции в Архипелаг имела все основания рассчитывать на Англию.

Нечего удивляться тому, что к неприятнейшей для себя неожиданности граф Шуазель получил довольно решительное предупреждение от британского кабинета, что Англия не потерпит франко-испанского нападения на русскую эскадру. Могучую поддержку этой «русофильской» политике оказывал всегда Вильям Питт Старший (граф Чэтем).

Он очень долго держался плана образования крепко сплоченного союза из России, Пруссии и Англии, направленного против франко-испанского соглашения. Совершенно ошибочное представление укрепилось с легкой руки С. М. Соловьева в русской историографии и даже в учебной литературе, вроде университетских курсов, будто «северная система» родилась в голове русского посланника в Копенгагене барона Корфа, а затем эта система понравилась Панину и он «усыновил себе» ее по смерти Корфа¹. Словом, выходит так, что Россия выдвинула проект такого союза. Это повторяет, с прямой ссылкой на Соловьева, и Н. Д. Чечулин в своей диссертации². Правда, Чечулин оговаривается: «Мысль о необходимости обезопасить себя союзами ввиду возможности агрессивных предприятий трех католических держав, связанных между собой договорами... вовсе не есть увлечение или фантазия, какой поддался только Панин; эта же мысль возникала и в Англии, и в Пруссии». Но эта оговорка Чечулина именно и доказывает, что он стоит все же на ложном пути в анализе вопроса о «северной системе». Вопрос об этом союзе Англии, России и Пруссии не только не был «увлечением или фантазией Панина», но вовсе не Панин был тут и инициатором. Эта мысль впервые появилась только в Англии и возникла еще до того, как окончилась Семилетняя война и как только Шуазель стал усиленно работать над привлечением Австрии к соглашению обоих Бурбонских домов — Франции и Испании.

Граф Чэтем пропагандировал эту мысль еще задолго до воцарения Екатерины, и его огромное влияние не только в Англии, но и во всей Европе было направлено именно на создание северного союза, который мог бы подорвать значение версальского двора. При этом Дания непременно должна была рано или поздно примкнуть к этому союзу трех великих держав: при своем положении на континенте, и особенно при обладании береговой полосой у Скагеррака и Каттегата, Дания должна была играть важнейшую роль прямой морской связи между Англией, Пруссией и Россией при всяком предприятии этого будущего союза против Швеции, где влияние Франции было так сильно. Что же мудреного, если именно в Дании агитация графа Чэтема и сторонников его программы должна

была сказываться особенно сильно и иметь много приверженцев. Союз с Англией, Пруссией и Россией, если бы они приняли в свою среду Данию, мог бы принести маленькой державе очень значительные выгоды, обеспечивая ее от всегда почти враждебных ей ганзейских городов и от Швеции. Немудрено, что эта английская мысль так быстро привилась в Копенгагене и там же проникла в не очень мудрящую голову барона Корфа, который и переправил эту идею в Петербург в качестве собственного открытия: «...нельзя ли на севере составить знатный и сильный союз держав против Бурбонского союза?» и т. д. Мы видим, что даже и формулировка у него не русская, а английская: «бурбонский союз». Панин действительно ухватился за эту комбинацию. Но полной реализации этой мысли об англо-русском общем соглашении не произошло именно потому, что в России ухватился за нее больше всего только Никита Иванович, а императрица разглядела в этом «знатном союзе» одновременно с Англией и с Пруссией нечто такое, что сулило России в будущем весьма «знатные» неприятности и опасности.

В самом деле, чего желали граф Чэтем и его парламентские друзья и в 1763, и в 1764, и в 1765, и наконец, в 1766 г., когда они развили особенную энергию в работе по реализации этой «северной системы»? О чем хлопотал находившийся под влиянием Чэтема кабинет, особенно лорд Сэндвич, статс-секретарь иностранных дел? Чего домогался лорд Бокингэм, английский посол в Петербурге? И в эти первые годы царствования Екатерины и дальше, в течение всей первой турецкой войны 1768—1774 гг., руководители английской политики, как бы они ни назывались, стремились к одной главной цели, сравнительно с которой все прочие их домогательства являлись второстепенными. Им нужно было втравить поскорее Россию в войну с Францией. За это они даже готовы были подарить России остров Минорку с захваченным ими Порт-Магоном, чтобы дать русскому флоту нужную стоянку на Средиземном море, заманить в это море на постоянное пребывание русский флот и вообще обеспечить прочно и надолго дипломатическую и военную помощь англичанам со стороны Екатерины уже не только против Франции, с которой Екатерина ссорилась из-за польских и турецких дел, но и против Испании, с которой Россия никогда не ссорилась и не имела ни малейших мотивов к ссоре.

Эта установка британской дипломатии сразу же стала ясна императрице, — и посол Бокингэм очень скоро учуял, что «величаяя, любезная, умная светская дама» (как ее именovali англичане в дипломатической переписке, когда не хотели называть по имени) поворачивает, куда нужно, важного, сановитого, принципиального, тугого графа Панина без всякого труда и притом с такой быстротой, что нельзя угнаться и вовремя

обернуться; и уже преемник Бокингэма, новый посол Джордж Макартни, представивший свои аккредитивные грамоты Екатерине в октябре 1764 г., нашел, к полному своему неудовольствию, что эта «светская дама» более «умна», чем «любезна», когда разговаривает о политических делах.

Но все-таки вплоть до конца турецкой войны (1768—1774 гг.) Екатерина держала себя так, чтобы не лишать британский кабинет надежд на будущее использование «северной системы» в английских, а не только в русских интересах. Слишком для нее драгоценна была в эти критические годы английская помощь.

Здесь не место говорить о тех общих причинах, которые в течение всего XVIII столетия вызывали упорную и активную борьбу французской дипломатии против русской экспансии. Заметим лишь, что, в частности, французские купцы и промышленники смотрели на русское продвижение к Черному морю и на всякие угрозы турецким владениям, как на прямую и серьезную опасность для экономических интересов Франции.

Если взять «нормальный», мирный год между двумя русско-турецкими войнами (1783), то, как считало французское правительство, в среднем все европейские державы ведут с Турцией торговлю (как импортную, так и экспортную) на общую сумму в 110 миллионов ливров в год; из них на долю французской торговли приходится 60 миллионов ливров, а на все остальные страны, вместе взятые, 50 миллионов.

Не только в полной гибели Турции, но даже в утрате ею тех или иных земель французы во второй половине XVIII века видели огромный для себя экономический вред и подрыв своего политического престижа.

Как давно уже выяснено во французской историографии, внешнюю политику королевства вели две параллельно действующие силы: официальный министр герцог Шуазель и лично король Людовик XV, действовавший через своего постоянного верного клеврета графа де Бройля.

Эта тайная дипломатия («*le secret du roi*» — «королевский секрет») иногда действовала в унисон с официальной, а иногда ей перечила и очень путала все расчеты Шуазеля³. Но в одном пункте они никогда не расходились: в упорном стремлении на всех путях становиться поперек дороги и всячески мешать Екатерине и в Швеции, и в Польше, и в Турции. Большие экономические интересы связывали французскую торговлю и промышленность с рынками турецкого Леванта, то есть со всеми странами, омываемыми Черным морем; интересы политические, борьба за влияние на севере и в центре Европы — все это заставляло Францию старого режима энергично бороться против

России в Стокгольме и в Варшаве. Но борьба эта велась неумело, растерянно, часто очень необдуманно и бездарно.

Герцог де Бройль, глава «секретной» королевской дипломатии, заставил министра иностранных дел герцога Шуазеля назначить еще в 1762 г. резидентом в Варшаву ловкого и пронырливого агента Эннена (Hennin); в Константинополе сидел другой агент «секретной политики», граф де Верженн, в Швецию был отправлен граф де Бретейль, в Гаагу — д'Авренкур, в Петербурге действовал на скромных с внешней стороны ролях консул Россиньоль. Все они дружно и долго интриговали против политики Екатерины, организуя, снабжая деньгами и оружием польских конфедератов в Баре, подкупая направо и налево турецких сановников, подстрекая шведского короля к враждебным выступлениям против России.

Начиная примерно с 1767 г. министр иностранных дел герцог Шуазель (и до тех пор вполне согласно в этом вопросе действовавший с графом де Бройлем) выступил уже совершенно открыто в качестве инициатора коалиционного нападения на Россию. Он послал генерала Дюмуре с целым штатом офицеров и с оружием на помощь барской конфедерации и очень усилил нажим на Турцию.

Прежде всего «важно было иметь возможность бросить на тылы России не только Порту, но вместе с тем и прибрежные государства по Дунаю и Черному морю, в то время как скандинавские государства будут удерживать русских на севере». Так формулирует общую цель французской политики в конце 60-х годов XVIII века панегирист этой политики Анри Допиоль ⁴.

Французские агенты всегда гордились тем, как им ловко удалось подстрекнуть турок начать агрессивную войну против России в 1768 г. Вот как Эннен, агент, действовавший в Польше, восторгается Верженном, интриговавшим против России в Константинополе: «Доверие дивана не изменилось, и Верженн, когда ему было дано разрешение ввести турок в игру (*mettre les turcs en jeu*), в войну, для которой подали повод польские дела, — выполнил полученные им приказы, не компрометируя себя, не беря на себя ручательства за события, которые оказались такими, как он их предвидел» ⁵.

Другими словами, французская дипломатия толкала турок на войну против России, предвидя с самого начала, что из этого ничего для Турции хорошего не выйдет; важно было лишь помочь каким угодно способом Польше. Но и это тоже не удалось. Итак, турки были «введены в игру».

Не только сама Екатерина, но даже враждебные России государства признавали, что, бесспорно, в 1768 г. Турция мало того, что формально первая объявила войну и напала на Россию, но и на самом деле всячески провоцировала эту войну и реши-

тельно стремилась к открытию военных действий. А французский министр герцог Шуазель, не стесняясь, хвалился тем, что так ловко подстрекнул турок к началу военных действий. Французы действовали совершенно открыто, так же как польские конфедераты, ведшие в тот момент войну против России. А Пруссия и Австрия, также содействуя по мере сил скорейшему нападению турок на Россию, придерживались гораздо более прикровенного образа действий. Словом, турок обнадеживали со всех сторон. Субсидий на войну турки, впрочем, в сколько-нибудь стоящем упоминания размере не получили, но зато великий визирь и рейс-эффенди (министр иностранных дел) были осыпаны подарками со стороны версальского двора. Даже и от польских конфедератов им перепало, хотя шедшие оттуда деньги, к живому прискорбию константинопольских сановников, в значительном проценте застревали по дороге в карманах передатчиков.

25 ноября 1768 г. русского посла Алексея Михайловича Обрезкова с главным персоналом посольства (11 человек) позвали к великому визирю, и тут Обрезкову был объявлен ультиматум: Россия должна, во-первых, немедленно вывести свои войска из Польши и обязаться не вмешиваться в польские дела, то есть в борьбу за уравнивание прав православных с католиками. Мотивировалось это требование тем, что русско-польская война, происходящая на границах Турецкой империи, привела к разграблению казаками пограничных турецких городов: Балты и Дубоссар. Обрезков отказался наотрез. Тогда он со всеми товарищами был немедленно арестован и заключен в Едикюле (Семибашенный замок). Все это было подстроено, чтобы сразу же сделать невозможным мирный исход.

Началась война, которой, однако, суждено было окончиться совсем не так, как надеялись Оттоманская Порта и ее друзья.

Екатерина уже очень скоро после начала военных действий ухватила за мысль, поданную первоначально, по-видимому, Алексеем Орловым и поддержанную Григорием Григорьевичем, его братом. Эта мысль заключалась в том, чтобы напасть на Турцию с моря и с суши — на юге Оттоманской империи — и этим создать диверсию, которая облегчила бы операции П. А. Румянцева на севере, то есть в Молдавии и Валахии.

Наметился и план ближайших действий: возбуждение восстания среди христианских народов на Балканском полуострове, в первую очередь среди греков (в Морее) и среди черногорцев, и посылка для поддержки этого восстания и для действий против турецкого флота русских военных эскадр в Архипелаг.

Перед посылкой экспедиции в Архипелаг отношения между Шуазелем и Екатериной обострились до неслыханной степени.